

«НОМО ECONOMICUS»: ИСТОКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ «ЭКОНОМИЗАЦИИ» ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

О. В. Асканова
(Рубцовск, Российская Федерация)

В этическом аспекте рассмотрена доминирующая в экономической науке идея о существовании «человека экономического», движимого исключительно вопросами максимизации собственной выгоды. Автором проанализированы различные точки зрения на истоки возникновения модели «homo economicus» и превращения её в главный инструмент анализа в «мейнстриме» экономической науки. В результате показано, что последовательная «эмансипация» экономики от моральной теологии и философской этики вылилась в номинализм, а затем и индивидуализм, крайним проявлением которого и выступает идеал «рыночной экономики» — «homo economicus». Однако «экономизация» человеческого поведения обуславливает серьёзные противоречия в развитии цивилизации, вызывая самоотчуждение человека, потерю им своей гуманистической сущности.

Ключевые слова: «экономический человек», «экономизм», материализм, рационализм, номинализм, индивидуализм, нравственная теология, этические ценности

Современное общество переживает тяжёлый системный кризис, охвативший все стороны его жизни и практически все государства мира. При этом именно такая характеристика кризиса, как системность, указывает на определяющие его характер и болезненные проявления факторы — слом нравственных императивов, смену ценностных координат и духовную дезориентацию людей.

В свою очередь, потеря составляющих основу человеческого бытия духовных ценностей, обесценивание идеалов и норм поведения связаны, по нашему мнению, с господствующей в мире моделью экономического развития, базирующейся на рыночном либерализме.

Приверженцам теории рыночного либерализма априори понятно её превосходство над альтернативными моделями экономического развития, поскольку они безоговорочно верят в возможность устранения любых диспропорций в хозяйственной деятельности на основе действия механизмов рыночной саморегуляции, которые А. Смит назвал «невидимой рукой» рынка. То, что ни одна из аксиом рыночного либерализма не соответствует экономической реальности, несколько не смущает её апологетов. На идеологический характер обожествления «невидимой руки» рынка, противоречащий эмпирическим данным, многократно обращали внимание многие известные ученые, что, тем не менее, не помешало либеральной рыночной парадигме стать «мейнстримом» экономической мысли и

господствующей программой политико-экономического истеблишмента.

Проникнутый фальшью рыночный либерализм в экономике духовно развращает человека, что очень точно подметил выдающийся немецкий социолог и философ Эрих Зелигманн Фромм (1900—1980). По его мнению, основанная на свободе рынка экономика «коммерциализирует всё общество, все его структуры, среди них и человека, подчиняя их культу денег. Всё становится товаром, предметом купли-продажи, в том числе профессии, занятия, статусы» [1, с. 163]. Однако тенденции современного общества свидетельствуют, что ориентация только на материальное благосостояние не делает человека более нравственными, а, наоборот, часто вызывает отчуждение от собственного внутреннего мира и духовных потребностей, создавая внутреннюю пустоту при внешнем благополучии.

На «самоотчуждение человека, потерю им своей гуманистической сущности» указывал и Э. Фромм, называя их следствием рыночной экономики. Итогом становится превращение человека «в служащий экономической машине инструмент, который заботится об эффективности и успехе, а не о счастье и развитии души» [1, с. 179]. В этой связи представляется важным проследить, когда и как осуществлялась трансформация представлений от человека как духовного Божьего создания до движимого лишь экономическим расчётом погрязшего в пороках существа.

Традиционная школа экономической теории исходит из гипотезы о существовании некоего «человека экономического» («*homo economicus*»), поведение которого управляется эгоистическими устремлениями (*self-interest*), способного при этом принимать рациональные решения. При этом упрощённая версия модели «*homo economicus*» делает ставку исключительно на экономические интересы (без учета духовных и этических мотивов) при выборе индивидом в пользу лучшей альтернативы, то есть обеспечивающей максимальную разницу между предельными выгодами и издержками [2]. Отметим, что идея экономического человека, в основе поведения которого лежат собственные эгоистические интересы, была доминирующей в конце XVIII века, но наиболее отчётливую формулировку она нашла в основополагающей работе отца политической экономии А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» [3].

По Смиту, общее благо складывается стихийно вследствие самостоятельных действий ведомых эгоистическими интересами индивидов, каждый из которых стремится к максимизации собственной выгоды. Таким образом, у Смита «экономический человек» — это стремящийся к личному обогащению эгоист. В этом эгоистичном существе фактически уже просматривался идеал «рыночной экономики» — «*homo economicus*», хотя само это понятие возникло несколько позже.

Справедливо ради следует отметить определённую двойственность Смита в отношении человеческой мотивации. Так, в своей первой большой работе «Теория нравственных чувств» он утверждал, что поведение человека направляется «симпатией», умением поставить себя на место другого, желанием заслужить одобрение «беспристрастного наблюдателя», признавая тем самым роль этически обусловленного поведения индивида в процессе хозяйственного развития [4]. В «Теории нравственных чувств» существование общества корыстного обмена допускается Смитом лишь как краткосрочное и ограниченное социально и пространственно. Примечательно, что Смит преподавал на кафедре философии курсы политической экономии и нравственной философии, рассказывая в рамках первого про человека эгоистического, а в рамках второго — про человека альтруистического, и это не были два разных человека [5].

Последователи А. Смита довели представление о человеческом поведении до странной, ущербной конструкции — «*homo economicus*», пропагандируя этот идеал, продвигая его в «массы».

Существуют разные точки зрения на причины формирования этой конструкции. Российский учёный, д.э.н. В. Катасонов упрекает в

превращении человека в безбожную сущность английскую философию, представлявшую его «не как творение Бога, а как эгоистичное животное с определенным набором чувств и инстинктов (прежде всего — алчности, честолюбия и страха)» [6, с. 45].

Разделяет эту позицию и современный киевский аналитик А. Ваджра. Рассматривая процесс трансформации представлений о человеке, Ваджра отмечает в качестве его основы «постепенное редуцирование человеческой природы во взглядах английских мыслителей» [7, с. 97]. «Возникнув в высших слоях общества», мировоззрение о человеке как погрязшем в пороках разумном животном «со временем овладело и народными массами». Вот как об этом говорит Ваджра: «превращение индивида в некую совокупность первичных, диких инстинктов было подано как величайшее достижение европейской науки, как раскрытие наиглавнейшей тайны человеческой природы. Так через идеологическое индуцирование, путем целенаправленной информационно-психологической обработки масс создавался человек нового типа. Настойчиво внедряемое в сознание англичан, а затем и европейцев представление о человеке как о плохо поддающемся окультуриванию опасном животном постепенно делало его таковым» [7, с. 98].

Российский экономист, д.э.н. А. Аузан [5] видит причину трансформации представлений о человеке в «*homo economicus*» — существо, обладающее сверхъестественными способностями по рационализации и максимизации своей полезности — не в английской, а во французской просветительской философии XVIII века, провозгласившей беспределность человеческого сознания, всеисильность и безграничные возможности разума.

На большую приверженность свободной экономике французских экономистов-католиков в сравнении с англичанами указывал и американский учёный, представитель австрийской школы в экономической науке Мюррей Ротбард (1926—1995), по мнению которого, французские экономисты были гораздо более строгими прагматиками [8].

Безусловно, представление о человеке как рациональном индивидууме, главным мотивом деятельности которого является эгоистический, денежный интерес, могло возникнуть только в результате развития у средневекового человека рационалистического мышления.

Исходным пунктом рационализма — материалистического мировоззрения — является, по мнению В. Катасонова [6, с. 115], схоластика католицизма. И если изначально «рационализм рассматривался как чисто рассудочный метод изучения и объяснения Священного Писания, сводящий даже мистическое и иррациональное к логическим построениям», то позже он «стал

«НОМО ECONOMICUS»: ИСТОКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ «ЭКОНОМИЗАЦИИ» ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

использоваться как универсальный метод познания мира, полагающийся лишь на рассудок и отметающий любой чувственный опыт, противоречащий рассудку» [6, с. 115].

На схоластику католицизма как причину развития в трудах католических физиократов теории свободного рынка, складывающейся в свою очередь под влиянием теории «естественного права», указывал и уже упоминавшийся М. Ротбард [8].

Одной из важнейших проблем схолистического мышления был спор средневекового номинализма и реализма, в котором со временем наметились тенденции борьбы материализма и идеализма. По своей сути номинализм являлся реакцией на крайний идеализм христианского вероучения и согласно К. Марксу был «первым выражением материализма». Подрывая схоластику изнутри, разрушая «единство» науки и веры, номинализм, таким образом, готовил почву для эмансипации философии от теологии. Одновременно развитие теории «естественного права», в которой центральное место отводилось разуму, вело к постепенному «освобождению» правопонимания от религиозных догм.

Трансформация средневекового мировоззрения не могла не сказаться на экономическом мышлении и поведении человека, всё более выводя их за рамки нравственной теологии. На полную «эмансипацию» экономики от норм христианской этики обращал внимание Фромм, отмечавший в этой связи, что «радикальный гедонизм и безудержный эгоизм не могли бы возникнуть как руководящие принципы экономического поведения, если бы в XVIII веке не произошло коренного изменения. В средневековом обществе, как и во многих других высокоразвитых и примитивных обществах, экономическое поведение определялось этическими нормами... В несколько этапов капитализм XVIII века претерпел радикальное изменение: экономическое поведение отделилось от этики и человеческих ценностей» [9].

Результатом выведения хозяйственной сферы за рамки религиозных норм, замены их императивами «естественного права» стала моральная легитимация мотива максимизации собственных прибылей с последующим признанием его в качестве движущей силы экономики. В. Катасонов в этой связи отмечает, что «если раньше те или иные экономические действия (проекты) оценивались, прежде всего, с точки зрения их нравственности, то в эпоху «капиталистической эмансипации» экономики они стали оцениваться с точки зрения их коммерческой (финансовой) эффективности. На нравственную оценку экономических решений (действий) сегодня никто не обращает ни малейшего внимания» [6, с. 60]. Постепенно главным индикатором человеческой рациональности стало стремление к успеху в материальной сфере, а

специфической чертой экономической системы – освобождение мотивации от морально-духовных ограничений.

Отмеченные процессы способствовали абсолютизации экономической точки зрения, что в догматической форме закрепились в феномене «экономизма». Примечательно, что раньше экономика рассматривалась как составная часть христианской этики (или философии). Как уже отмечалось, один из основоположников классической политической экономии Адам Смит преподавал на кафедре философии, поскольку кафедры политэкономии ввиду отсутствия такой науки в его время попросту не было. Открытие же «естественного права» не только эмансипировало экономическую теорию от философской этики и моральной теологии, но и спровоцировало обособление и развитие различных самостоятельных направлений в сфере экономики. Однако, как справедливо подмечает Катасонов [6], во всех этих направлениях сегодня превалирует вопрос коммерческой эффективности экономических решений, практически не затрагивая их нравственной оценки.

Таким образом, «последовательное удаление всех вкраплений христианского наследия в политическую ткань Европы» [10] вылилось в номинализм, главным наследием которого в настоящее время выступает индивидуализм. Из привитой в результате многовековой обработки западных умов номинализмом неспособности обобщать вырастает, в конечном счёте, неспособность ставить себя на место другого человека. В экономической науке Запада крайней степенью индивидуализма, его моделью и эталоном является «homo economicus» [6, с. 53]. Заметим, что модель рационального экономического поведения «homo economicus» является постоянным объектом критики практически с момента своего появления. Достаточно подробное исследование доводов противников примата исключительно экономической мотивации в поведении человека представлено в работе Н. Комаровской [2]. Автор замечает, что представители немецкой исторической школы ещё в XIX веке указывали на неприемлемость построения «экономического анализа на основе представления человека как расчётливого эгоистичного субъекта, заботящегося исключительно о собственной выгоде» [2]. Критики модели «homo economicus» апеллировали к влиянию на принятие человеком решений социальной среды, которая игнорируется в модели (Торстейн Веблен); к иррациональным побудительным импульсам, обуславливающим значительную часть экономической деятельности (Джон Мейнард Кейнс); к ограниченности человеческих познавательных способностей, не позволяющей реальным людям находить наиболее эффективные с теоретической точки зрения решения (Герберт Саймон) [2].

Произошедшие с конца прошлого века изменения в экономических исследованиях также способствовали пересмотру некоторых фундаментальных постулатов экономической науки, в том числе модели «*homo economicus*». Так, если раньше экономика считалась неэкспериментальной дисциплиной, оперирующей только фактическими полученными в результате наблюдения данными, то в последние десятилетия экономисты все чаще прибегают к контролируемым экспериментам. Лабораторные исследования, опирающиеся на когнитивную психологию (изучающую способ принятия решений человеком) и экспериментальную экономику (проверяющую лабораторными методами экономические модели и теории), продемонстрировали серьёзное расхождение принятой модели экономического поведения с реальностью.

Считается, что психология принятия экономических решений в качестве направления, занимающегося способами проверки аксиоматических основ экономической науки, так называемой «теории ожидаемой пользы» (*expected-utility theory*), возникла в конце 1970-х годов усилиями израильских психологов Даниэля Канемана и Амоса Тверски [11]. Хотя несоответствие между теорией ожидаемой полезности и практикой принятия решений в условиях неопределённости было показано еще в 1953 году французским экономистом Морисом Алле (Нобелевский лауреат 1988 года).

Таким образом, к концу прошлого века уже сформировалось устойчивое мнение о том, что человеческие решения основываются не только на рациональных соображениях, но и на подсознательных актах, таких как эмоции, моральные и эпистемологические установки, разрозненные факты личного опыта и т.д. [11]. В частности, лауреат Нобелевской премии 1998 года Амартия Сен обосновывает необходимость учёта при анализе принятия экономических решений таких внешних факторов, как моральные ценности и общепринятые нормы. Другие нобелевские лауреаты Джордж Акерлоф и Роберт Шиллер выдвинули теорию «иррационального начала», служащую своего рода развитием концепции Дж. Кейнса, согласно которой иррациональное начало человеческого поведения является одной из главных причин экономических колебаний.

Экспериментальное подтверждение факта несоответствия реального человеческого поведения модели «*homo economicus*», как уже отмечалось, получил в исследованиях Д. Канемана и А. Тверски. Данные учёные показали, что индивиды не способны анализировать сложные ситуации, если последствия их решений неопределены. В этом случае они руководствуются идущими вразрез с устоявшимся положением о «максимизации ожидаемой пользы» эвристическими умозаключениями или здравым смыслом.

Примечательно, что Д. Канеман (совместно с американским экономистом Верноном Смитом) в 2002 году удостоен Нобелевской премии по экономике «за применение психологической методике в экономической науке, в особенности — при исследовании формирования суждений и принятия решений в условиях неопределённости», несмотря на то, что исследования проводил как психолог, а не как экономист. Другие авторы, рассматривая отклонения от классически рационального, а точнее, эгоистически-гедонистического поведения, указывали на их эволюционный смысл.

Так, американский социобиолог Роберт Триверс в 1971 году выдвинул концепцию «*homo reciprocans*» (человек обменивающийся) — модель человеческого, в том числе и экономического, поведения, характеризующегося склонностью к сотрудничеству. В ходе компьютерной симуляции были выявлены принципиальные отличия данной модели от поведения «*homo economicus*» состоящие, с одной стороны, в повышенном уровне кооперативности, а, с другой, в склонности наказывать партнеров даже в ущерб частным интересам за некооперативное поведение [11]. Кроме того, эксперименты по добровольной уплате налогов и добровольному ограничению потребления общественных ресурсов показали, что паттерны поведения людей в реальных обстоятельствах ближе к модели «*homo reciprocans*», нежели к «*homo economicus*». Как свидетельствуют эмпирические исследования, люди в большинстве своем имеют склонность только лишь из «чувства справедливости» наказывать тунеядцев и «социопатов» даже в том случае, если для этого они вынуждены идти на личные жертвы. Всё отмеченное лишь подтверждает, что вопреки устоявшимся постулатам традиционной экономической теории человеческое поведение не вписывается в рамки модели «*homo economicus*». Более того, данная модель противоречит большинству мировых религий и социалистических теорий (за исключением, возможно, протестантизма, иудаизма и крайнего радикализма), которые как минимум не призывают индивида к личному обогащению, а, наоборот, ориентируют его на социальные достижения. Однако всё это не мешает модели «*homo economicus*» оставаться одним из главных инструментов анализа в «мейнстриме» экономической науки.

Подобная «экономизация» человеческого поведения ведёт к раздвоенности жизни людей, ставит их в абсурдное положение, постоянно создавая противоречия с базовыми ценностями — нормами морали, справедливости и, в конечном счёте, с человечностью, гуманизацией жизни и экономики. В свою очередь, противоречия социально-экономической жизни существенно ограничивают развитие человека по другим на-

«НОМО ECONOMICUS»: ИСТОКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ «ЭКОНОМИЗАЦИИ» ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

правлениям, сдерживают решение острых проблем, создают угрозу перспективам развития человечества.

Как справедливо замечает Г. Малашхия [12], экономическая детерминация искажает, дисгармонизирует человека и его жизнь. Поэтому только освобождение от экономической детерминации, ориентация на составляющее основу человеческого бытия духовно-интеллектуальное развитие следует считать краеугольным камнем преодоления нынешнего кризиса. Именно в возвращении человека к его исконной сущности видели перспективы развития человечества многие выдающиеся мыслители различных времен. Солидаризируясь с данным мнением, остаётся лишь резюмировать, что только через переход от «homo economicus» к «человечному человеку» [12] пролегает главный путь цивилизации и прогресса.

Список литературы

1. Фромм Э. Психоанализ и религия // Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.П. Сумерки богов. — М.: Политиздат, 1990. — С. 149—221.
2. Комаровская Н.В. Эволюция «homo economicus» // Вестник МГИМО-Университета. — 2016. — № 1(46). — С. 129—142.
3. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Эксмо, 2007. — (Серия: Антология экономической мысли). — 960 с.
4. Смит А. Теория нравственных чувств. — М.: Республика, 1997. — 352 с. (Сер.: Библиотека этической мысли).
5. Номо Economicus. Александр Аузан о том, как человеку бороться с системой: [Электронный ресурс]. URL:

http://www.chaskor.ru/article/homo_economicus_40753 (дата обращения: 30.08.2017).

6. Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / Научн. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — 1072 с.

7. Ваджра А. Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии. — М.: АСТ: Астрель, 2007. — 676 с.

8. Rothbard Murray N. Catholicism, Protestantism, and Capitalism. Ludwig von Mises Institute. — 2004. — 368 p.

9. Фромм Э. Иметь или быть? — Киев: Ника-Центр, 1998. — 400 с.

10. Леонидов-Филиппов А. Номинализм и Россия: отрывок из новой книги «Битва Оккама» — об истоках еврофрени и каннибалократии // Экономика и мы: [Электронный ресурс]. URL: <http://economicsandwe.com/6A0E712BB90E33B2> (дата обращения: 11.06.2017).

11. Джадан И. Номо economicus» vs. «Номо reciprocans»: по следам недавнего присуждения Нобелевской премии по экономике: [Электронный ресурс]. URL: <http://old.russ.ru/politics/20021021-dj.html> (дата обращения: 08.07.2017).

12. Малашхия Г.М. От человека экономического к человеческому: критический взгляд на современную экономическую систему // Перспективы человека в глобализирующемся мире / Под ред. Парцвания В.В. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. — С. 278—318.

Асканова Оксана Владимировна, доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой «Финансы и кредит» Рубцовского индустриального института (филиал) ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова» (Рубцовск); ascanova@yandex.ru.

"HOMO ECONOMICUS": THE ORIGIN AND CONSEQUENCES OF "ECONOMIZATION" OF HUMAN BEHAVIOR

Oksana V. Askanova
(Rubtsovsk, the Russian Federation)

The article considers the ethical aspect of dominant in economic science idea of the existence of an "economic man", actuated purely by the issues of maximizing his own profit. The author has analyzed various points of view concerning the origin of the "homo economicus" model and transforming it into the main instrument of analysis in economic science. As a result, it was shown that the consequent "emancipation" of the economy from moral theology and philosophical ethics was transcribed by nominalism, and then individualism, the extreme manifestation of which is the ideal of "market economy" — "homo economicus". However, the "economization" of human behavior causes serious contradictions in the development of civilization, causing self-alienation of a person, the loss of his humanistic essence.

Key words: "economic man" ("homo economicus"), "economism", materialism, rationalism, nominalism, individualism, moral theology, ethical values